

Александр Куприн

Механическое правосудие

Александр Иванович Куприн

Механическое правосудие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2524315

Аннотация

«Ложи, партер и хоры большой, в два света, залы губернского дворянского собрания были битком набиты, и, несмотря на это, публика сохраняла такую тишину, что, когда оратор остановился, чтобы сделать глоток воды, всем было слышно, как в окне бьется одинокая, поздняя муха...»

Александр Иванович Куприн Механическое правосудие

Ложи, партер и хоры большой, в два света, залы губернского дворянского собрания были битком набиты, и, несмотря на это, публика сохраняла такую тишину, что, когда оратор остановился, чтобы сделать глоток воды, всем было слышно, как в окне бьется одинокая, поздняя муха.

Среди белых, розовых и голубых платьев дам, среди их роскошных обнаженных плечей и нежных головок сияло шитье мундиров, чернели фраки и золотились Густые эполеты.

Оратор, в форме министерства народного просвещения, – высокий, худой человек, желтое лицо которого, казалось, состояло только из черной бороды и черных сверкающих очков, – стоял на эстраде, опираясь рукою на стол.

Но внимательные глаза публики были обращены не на него, а на какой-то странный, массивный, гораздо выше человеческого роста предмет в парусиновом

чехле, широкий снизу и узкий вверху, возвышавшийся серой пирамидой тут же, на эстраде, возле самой рампы.

Утолив жажду, оратор откашлялся и продолжал:

– Резюмирую кратко все сказанное. Итак, что мы видим, господа? Мы видим, что поощрительная система отметок, наград и отличий ведет к развитию зависти и недоброжелательства в одних и нежелательно – Резюмирую кратко все сказанное. Итак, что мы видим, господа? Мы видим, что поощрительная система отметок, наград и отличий ведет к развитию зависти и недоброжелательства в одних и нежелательного озлобления в других. Педагогические внушения теряют свою силу благодаря частой повторяемости. Ставить на колени, в угол носом, у часов, под лампу и тому подобное – это часто служит не примером для прочих учеников, а чем-то вроде общей потехи, смехотворного балагана. Заключение в карцере положительно вредно, не говоря уже, о том, что оно бесплодно отнимает время от учебных занятий. Принудительная работа лишает самую работу ее высокого святого смысла. Наказание голодом вредно отзываясь на мозговой восприимчивости. Лишение отпуска в закрытых учебных заведениях только озлобляет учеников и вызывает неудовольствие родителей. Что же остается? Исключить неспособного или шаловливого

юношу из школы, памятуя святое писание, советующее лучше отсечь, болящий член, нежели всему телу быть зараженным? Да, увы! – подобная мера бывает подчас так же неизбежна, как неизбежна, к сожалению, смертная казнь в любом из благоустроенных государств. Но прежде, чем прибегнуть к этому последнему, безвозвратному средству, поищем...

– А драть? – густым басом сказал из первого ряда местный комендант, седой, тучный, глухой старец, и тотчас же под его креслом сердито и хрипло тьякнул мопс.

Генерал повсюду являлся с палкой, слуховым рожком и старым, задыхающимся мопсом.

Оратор поклонился, приятно ослабившись.

– Я не имел в виду выразиться так коротко и определенно, но в основе его превосходительство угадали мою мысль. Да, милостивые государи и милостивые государыни, мы еще не говорили об одной доброй, старой – Я не имел в виду выразиться так коротко и определенно, но в основе его превосходительство угадали мою мысль. Да, милостивые государи и милостивые государыни, мы еще не говорили об одной доброй, старой, исконно русской мере – о наказании на теле. Однако она лежит в самом духе истории великого русского народа, мощного своей национальностью, патриотизмом и глубокой верой в провидение!

Еще апостол сказал: ему же урок – урок, ему же лоза – лоза. Незабвенный исторический памятник средневековой письменности – «Домострой» – с отеческой твердостью советует то же самое. Вспомним нашего гениального царя-преобразователя – Петра Великого с его знаменитой дубинкой. Вспомните изречение бессмертного Пушкина, воскликнувшего:

...Наши предки чем древнее,
Тем больше съели батогов...

Вспомним, наконец, нашего удивительного Гоголя, сказавшего устами простого, немудрящего крепостного слуги: мужика надо драть, потому что мужик балуется... Да, господа, я смело утверждаю, что наказание розгами по телу проходит красной нитью через все громадное течение русской истории и коренится в самых глубоких недрах русской самобытности.

Но, погружаясь мыслью в прошедшее и являясь таким образом консерватором, я, милостивые государи и милостивые государыни, тем не менее с распростертыми руками иду навстречу самым либеральнейшим из гуманистов. Я открыто, громогласно признаю, что в телесном наказании, в том виде, как оно до сих пор практиковалось, заключается много оскорбительного для наказуемого и унижительного для наказую-

щего. Непосредственное насилие человека над человеком возбуждает неизбежно с обеих сторон ненависть, страх, раздражение, мстительность, презрение и, наконец, зловредное взаимное упорство в преступлении и в наказании, доходящее до какого-то зверского сладострастия. Итак, вы скажете, господа, что я отвергаю телесное наказание? Да, я отвергаю его, но только для того, чтобы снова утвердить, заменив человека машиной. После многолетних трудов, размышлений и опытов я выработал, наконец, идею механического правосудия и осуществил ее, – хорошо или дурно – это я сейчас же предоставляю судить почтеннейшему собранию.

Оратор сделал знак головой в сторону, туда, где в дни любительских спектаклей помещались кулисы. Тотчас же на эстраду выскочил бравый усатый вахтер и быстро снял брезент со странного предмета, стоявшего у рампы. Глазам присутствующих представла, блестя новыми металлическими частями, машина, несколько похожая на те самовесы, которые ставятся в увеселительных садах для взвешивания публики за пять копеек, только сложнее и значительно больше размерами.

По залу дворянского собрания пронесся вздох удивления, головы заходили влево и вправо.

Оратор широко простер руку, указывая на аппарат.

– Вот мое детище! – сказал он взволнованным голосом. – Вот аппарат, который по чести может быть назван орудием механического правосудия. Устройство его необыкновенно просто и по цене доступно бюджету даже скромного сельского училища. Прошу обратить внимание на его устройство. Во-первых, вы замечаете горизонтальную площадку на пружинах и ведущую к ней металлическую подножку. На площадке помещается узкая скамейка, спинка которой состоит также из весьма эластических пружин, обвитых мягкой кожей. Под скамейкой, как вы видите, свободно вращается на шарнирах система серповидных рычагов. От действия тяжести на пружины-скамейки и платформы рычаги эти, выходя из состояния равновесия, описывают полукруг и смыкаются попарно на высоте от пяти до восемнадцати вершков над поверхностью скамейки, в зависимости от силы давления. Сзади скамейки возвышается вертикальный чугунный столб, полый внутри, с квадратным поперечным сечением. В его пустоте заключается мощный механизм, наподобие часового, приводящийся в движение четырехпудовой гирей и спиральной пружиной. Сбоку столба устроена небольшая дверца для чистки и выверивания механизма, но ключи от нее, числом два, – прошу это особенно отметить, господа, – хранятся только у главного инспектора механических самосе-

кателей известного района и у начальника данного учебного заведения России. Таким образом, этот аппарат, однажды приведенный в действие, уже никак не может остановиться, не закончив своего назначения; если только не будет насильственно поврежден, что, однако, представляется маловероятным в виду исключительной простоты, прочности и массивности всех частей машины.

Часовой механизм, пущенный в ход, сообщает посредством зубчатых колес движение небольшому, находящемуся внутри столба, горизонтальному валу, на поверхности которого, по спиральной линии, составляющей неполный оборот, вставлены в стальные зажимы, перпендикулярно к оси, восемь длинных гибких камышовых или стальных прутьев. В случае изнашивания их можно заменять новыми. Необходимо также пояснить, что вал имеет еще некоторое последовательное движение влево и вправо по винтовому ходу, чем достигается разнообразие точек удара.

Итак, вал приведен в движение, и вместе с ним движутся, описывая спиральные круги, прутья. Каждый прут совершенно свободно проходит вниз, но, поднявшись вертикально наверх, он встречает препятствие – перекладину, в которую он сначала упирается своим верхним концом, затем, задержанный ею, выгибается полукругом наружу и затем, сорвавшись

с нее, наносит удар. А так как эта переключательная может быть передвигаема по желанию, вверх и вниз, на двух зубчатых рейках и закрепляется на любой высоте специальными защелками, то вполне понятно, что чем мы ниже опустим переключатель, тем более выгибается прут и тем энергичнее наносится удар. Этим мы регулируем силу наказания, для каковой надобности на рейках имеются соответствующие деления от нуля до двадцати четырех. Цифра ноль – самая верхняя, она употребляется только в тех случаях, когда наказание носит лишь условный, так сказать, символический характер, при шести чувствуется уже значительная боль. Пределом для низших учебных заведений мы считаем силу удара, означенную делением десять, для средних – пятнадцать, для войск, волостных правлений и студентов – двадцать и, наконец, для исправительных арестантских отделений и бастующих рабочих полную меру, то есть двадцать четыре.

Вот в сущности схема моего изобретения. Остаются детали. Эта рукоятка сбоку, совершенно такого же вида, как ручка у шарманки, служит для завода внутренней спиральной пружины. Эта движущаяся в полукруглой щели стрелка регулирует малую, среднюю или большую скорость вращения вала. На самом верху столба, под стеклом – механический счетчик. Выскакивающие в нем цифры, во-первых, позволяют

контролировать правильность действия аппарата, а во-вторых, служат для статистических и ревизионных целей. Ввиду второго назначения счетчик устроен таким образом, что может показывать до шестидесяти тысяч. Наконец у подножия столба вы, господа, видите некоторое подобие урны, внутри коей на дне находится круглое отверстие величиной в чайное блюдечко. В нее бросают один из этих вот жетонов, после чего весь механизм мгновенно приходит в действие. Все жетоны разной величины и различного веса, от самого маленького, величиною с серебряный пятак и соответствующего минимальному наказанию в пять ударов, до этого, размером с серебряный рубль, который, будучи опущен в урну, заставляет машину отсчитать ровно двести ударов. Различными комбинациями из всех жетонов мы можем получить любое, кратное пяти, количество ударов от пяти до трехсот пятидесяти. Но... – и тут оратор скромно, улыбнулся, – но мы сочли бы нашу задачу невыполненной до конца, если бы остановились на этой предельной цифре.

С вашего изволения, господа, я прошу вас отметить и запомнить ту цифру, которую показывает в настоящую минуту счетчик. Кстати, почтеннейшая публика может убедиться, что до момента опускания жетонов в урну можно совершенно безопасно стоять на подножке.

Итак... счетчик показывает две тысячи девятьсот. Следовательно, по окончании экзекуции стрелка должна будет отметить... три тысячи двести пятьдесят... Кажется, я не ошибаюсь?..

Достаточно бросить в урну любой предмет с кругообразным сечением, все равно, продольным или поперечным, и вы можете увеличить количество ударов если не до бесконечности, то во всяком случае до тех пор, пока хватит пружинного завода, то есть приблизительно до семисот восьмидесяти – восьмисот. Конечно, я имел также в виду и то, что в общежитии жетоны, весьма вероятно, будут заменяться обыкновенной разменной монетой. На этот случай к каждому механическому самосекателю прилагается сравнительная табличка веса медной, серебряной и золотой монеты с количеством ударов. Вы ее видите здесь, сбоку главного столба.

Кажется, я уже кончил... Остаются некоторые подробности относительно устройства вращающейся подножки, качающейся скамейки и серповидных рычагов. Но так как оно несколько сложно, то я предоставляю почтеннейшей публике увидеть его действие во время демонстрации, которую я буду иметь честь немедленно же произвести.

Вся процедура наказания состоит в следующем. Сначала мы, тщательно разобравшись в мотивах и

свойствах преступления, определяем меру наказания, то есть количество ударов, их скорость и энергию, а иногда и материал прутьев. Затем человеку, заведующему аппаратом, посылается в машинное отделение краткая рапортичка или сообщается по телефону. Машинист prepares все, что нужно, и немедленно удаляется. Заметьте, господа, человека нет, остается только машина. Одна беспристрастная, непоколебимая, спокойная, справедливая машина.

Сейчас я перехожу к опыту. Преступника нам заменит кожаный манекен. Для того чтобы показать машину в самом блестящем виде, мы условимся, что перед нами находится наитягчайший преступник.

– Сторож! – крикнул оратор за кулисы. – Приготовьте: сила двадцать четыре, скорость малая.

При общем напряженном молчании усатый вахтер Завел рукояткой машину, опустил вниз перекладину, передвинул стрелку указателя и скрылся за кулисами.

– Теперь все готово, – сказал оратор, – и комната, где стоит самосекатель, совершенно пуста. Нам остается только призвать наказуемого, объяснить ему степень его виновности и размер наказания, и он сам. – Теперь все готово, – сказал оратор, – и комната, где стоит самосекатель, совершенно пуста. Нам остается только призвать наказуемого, объяснить ему степень его виновности и размер наказания, и он сам –

заметьте, господа, сам! – сам берет из ящичка соответствующие марки. Конечно, можно устроить так, что он тут же опускает их в отверстие, устроенное в столе, а они по особому желобу падают вниз, прямо в урну... Но это уж деталь – очень легко выполняемая и несущественная.

С этого момента виновный весь находится во власти машины. Он идет в уборную, где и раздевается. Отворяет дверь, становится на подножку, опускает жетоны урну и... кончено. Дверь за ним герметически запирается. Он может простоять на подножке хоть до второго пришествия, но непременно кончит тем, что бросит жетоны в урну. Ибо, милостивые государи и милостивые государыни, – воскликнул педагог с торжествующим смехом, – ибо подножка и платформа строены таким образом, что каждая минута промедления на них увеличивает число ударов на количество от пяти до тридцати, в зависимости от веса наказуемого... Но едва только он опустит свои марки, как подножка делает вращательное движение снизу вверх и вперед, скамейка в то же время подымается головным концом вертикально вверх, и брошенный на ее спину преступник охватывается в трех местах – за шею, вокруг поясицы и за ноги – серповидными рычагами, скамейка принимает прежнее горизонтальное положение. Все это совершается буквально в

одно мгновение. В следующий миг наносится первый удар, и теперь никакая сила не может ни остановить действия машины, ни ослабить ударов, ни увеличить или уменьшить скорость вращения вала до тех пор, пока не совершится полное правосудие. Это физически невозможно сделать, не имея ключа.

– Сторож, принесите манекен. Прошу уважаемую аудиторию назначить число ударов... Просто какую-нибудь цифру... желательно трехзначную, но не более трехсот пятидесяти. Прошу вас...

– Пятьсот! – крикнул комендант.

– Бэфф! – брехнул мопс под его стулом.

– Пятьсот слишком много, – мягко возразил оратор.

– Но, во внимание к желанию, высказанному его превосходительством, остановимся на максимальном числе. Пусть будет триста пятьдесят. Мы опустим в урну.

– Пятьсот слишком много, – мягко возразил оратор. – Но, во внимание к желанию, высказанному его превосходительством, остановимся на максимальном числе. Пусть будет триста пятьдесят. Мы опустим в урну все имеющиеся у нас жетоны.

В это время сторож внес под мышкой уродливый кожаный манекен и поставил его на пол, поддерживая сзади. В искривленных ногах манекена, в растопыренных руках и в закинутой назад голове было что-

то вызывающее и насмешливое.

Стоя на подножке, оратор продолжал:

– Милостивые государи и милостивые государыни! Еще одно последнее слово. Я не сомневаюсь в том, что мой механический самосекатель должен в ближайшем будущем получить самое широкое распространение. Мало-помалу его примут во всех школах, училищах, корпусах, гимназиях и семинариях. Мало того – его введут в армию и флот, в деревенский обиход, в военные и гражданские тюрьмы, в участки и пожарные команды, во все истинно русские семьи.

Жетоны постепенно и неизбежно вытеснятся деньгами, и таким образом не только окупается стоимость машин, но получатся сбережения, которые могут быть употребляемы на благотворительные и просветительные цели. Исчезнет сам собой бич наших финансов – вечные недоимки, потому что при взыскании их с помощью этого аппарата крестьянин неизбежно должен будет опустить в урну причитающуюся с него сумму. Исчезнут пороки, преступления, лень и халатность; процветут трудолюбие, умеренность, трезвость и бережливость...

Трудно предугадать более глубокую будущность этой машины. Разве мог предвидеть великий Гуттенберг, устраивая свой наивный деревянный станок, тот неизмеримо громадный переворот, который книгопе-

чатание внесло в историю человеческого прогресса? Однако я далек от мысли, господа, кичиться перед вами в своем авторском самолюбии, тем более что мне принадлежит лишь голая идея. В практической разработке моего изобретения мне оказали самую существенную помощь учитель физики в здешней четвертой гимназии господин N и инженер X. Пользуюсь лишним случаем, чтобы выразить им мою глубокую признательность.

Зала загремела от аплодисментов. Два человека из первого ряда встали и застенчиво, неловко поклонились публике.

– Для меня же лично, – продолжал оратор, – величайшим удовлетворением служит бескорыстное сознание пользы, принесенной мною возлюбленному отечеству, и – вот эти вот – знаки милостивого внимания, которые я на днях имел счастье получить: именные часы с портретом его высокопревосходительства и медаль от курского дворянства с надписью: *Similia similibus*¹.

Он отцепил и поднял высоко над головой огромный старинный хронометр, приблизительно в полфунта весом; на особой коротенькой цепочке болталась массивная золотая медаль.

– Я кончил, господа, – прибавил тихо и торжественно

¹ Подобное подобным (*лат.*)

но оратор, кланяясь.

Но еще не успели разразиться аплодисменты, как произошло нечто невероятное, потрясающее. Часы вдруг выскользнули из поднятой руки педагога и с металлическим грохотом провалились в урну.

В тот же момент машина зашипела и защелкала. Подножка вывернулась кверху, скамейка быстро качнулась вверх и вниз, блеснула сталь сомкнувшихся рычагов, мелькнули в воздухе фалды форменного фрака, и в тот же момент машина зашипела и защелкала. Подножка вывернулась кверху, скамейка быстро качнулась вверх и вниз, блеснула сталь сомкнувшихся рычагов, мелькнули в воздухе фалды форменного фрака, и вслед за отчетливым, резким ударом по зале пронесся дикий вопль изобретателя.

– 2901! – стукнул механический счетчик.

Трудно описать в быстрых и отчетливых чертах то, что произошло в собрании. Сначала все опешили на несколько секунд. Среди общей тишины раздавались лишь крики невольной жертвы, свист прутьев и щелканье. Трудно описать в быстрых и отчетливых чертах то, что произошло в собрании. Сначала все опешили на несколько секунд. Среди общей тишины раздавались лишь крики невольной жертвы, свист прутьев и щелканье счетчика. Потом все ринулись на эстраду...

– Ради бога! – кричал несчастный. – Ради бога! Ра-

ди бога!

Но помочь ему было невозможно. Мужественный учитель физики протянул было руку, чтобы схватить прут, но тотчас же отдернул ее назад, и все увидели на ее наружной поверхности длинный кровавый рубец. Но помочь ему было невозможно. Мужественный учитель физики протянул было руку, чтобы схватить прут, но тотчас же отдернул ее назад, и все увидели на ее наружной поверхности длинный кровавый рубец. Передвинутая перекладина не поддавалась никаким усилиям.

– Ключ! Скорее ключ! – кричал педагог. – Он у меня в панталонах! Скорее!

Преданный вахтер кинулся обыскивать карманы, едва уклоняясь от ударов. Но ключа не оказалось.

– 2950-2951-2952-2953, – продолжал отщелкивать счетчик.

– Ваше высокоблагородие! – сказал со слезами на глазах вахтер. – Дозвольте снять панталоны. Жалко, если пропадут... Совсем новые... Которые дамы, так они отвернутся.

– Убирайся к черту, идиот! Ой, ой, ой!.. Господа, ради бога!.. Ой, ой... Я забыл... Ключи у меня в пальто... Ой, поскорее!

Побежали в переднюю за пальто. Но и там ключа не оказалось. Очевидно, изобретатель забыл его до-

ма. Кто-то вызвался съездить за ним. Предводитель дворянства предложил своих лошадей.

Отрывистые удары сыпались через каждую секунду математической правильностью; педагог кричал, а счетчик равнодушно отсчитывал:

– 3180-3181-3182...

Какой-то гарнизонный подпоручик вдруг выхватил шашку и принялся с ожесточением рубить по машине, но после пятого же удара в руках у него остался один эфес, а отскочивший клинок ударил по ногам председателя земской управы. Панталоны изобретателя уже превратились сверху в лохмотья. Ужаснее всего было то, что нельзя было предугадать, когда остановится действие машины. Часы оказались чересчур тяжелыми. Человек, уехавший за ключом, все не возвращался, а счетчик, уже давно переваливший за назначенное изобретателем число, спокойно отсчитывал:

– 3999-4000-4001.

Педагог не прыгал больше. Он лежал с разинутым ртом и выпученными глазами и лишь судорожно дергал конечностями.

Но комендант вдруг затрясся от негодования, налился кровью и заревел под лай своего мопса:

– Безобразие! Разврат! Немысленно! Подать сюда пожарную команду!

Эта мысль была самой мудрой. Местный губерна-

тор был большим любителем пожарных выездов и щеголял их быстротой. Меньше чем через пять минут, и именно в тот момент, когда счетчик отстукивал 4550-ый удар, Эта мысль была самой мудрой. Местный губернатор был большим любителем пожарных выездов и щеголял их быстротой. Меньше чем через пять минут, и именно в тот момент, когда счетчик отстукивал 4550-ый удар, молодцеватые пожарные с топорами, ломами и крючьями ворвались на эстраду.

Великолепный механический самосекатель погиб на веки вечные, а вместе с ним умерла и великая идея. Что же касается до изобретателя, то, проболев довольно долго от телесных повреждений и нервного потрясения, Великолепный механический самосекатель погиб на веки вечные, а вместе с ним умерла и великая идея. Что же касается до изобретателя, то, проболев довольно долго от телесных повреждений и нервного потрясения, он возвратился к своим обязанностям. Но роковой случай совершенно преобразил его. Он стал на всю жизнь тихим, кротким, меланхолическим человеком и, хотя преподавал латынь и греческий, тем не менее вскоре сделался общим любимцем своих учеников.

К своему изобретению он не возвращался.